

С.П. Бычков

Светское общество в 1812 году

На многих страницах «Войны и мира» Толстой изображает патриотизм народных масс в плане резкого контраста с полным равнодушием к судьбам страны со стороны высших кругов «света». Война не изменила роскошной и спокойной жизни столичного дворянства, которая по-прежнему была насыщена сложной борьбой различных «партий», заглушаемой, «как всегда, трубением придворных трутней». «Те же были выходы, балы, тот же французский театр, те же интересы дворов, те же интересы службы и интриги». И за всем этим не ощущалось той огромной опасности, которая нависла над страной и народом в результате нашествия французов.

Так, в день Бородинского сражения в салоне у «энтузиастки» Шерер был вечер, ожидали прибытия «важных лиц», которых надо было «устыдить» за поездки во французский театр и «воодушевить к патриотическому настроению». И этот салон считался патриотическим.

Салон Элен Безуховой, который посещал канцлер Румянцев, считался французским. Там открыто восхвалялся Наполеон, велись разговоры о гуманности французов, осмеивался патриотический восторг москвичей. Этот кружок, таким образом, включал потенциальных союзников Наполеона, друзей врага, предателей. Связующим звеном между двумя кружками был беспринципный князь Василий. Иногда он путался, забывался и говорил у Шерер то, что надо было говорить у Элен.

Без сомнения, Толстой знал «Рославлева» Пушкина. В набросках этого незаконченного полемического романа Пушкиным была дана убийственная характеристика антипатриотических настроений в среде русского столичного дворянства во время войны 1812 года. Кажется, и сопоставление в романе Толстого салонов Шерер и Элей Безуховой сделано в духе саркастической традиции Пушкина, писавшего:

«Подражание французскому тону времен Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педантством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобо-страстием и шутили над нашими неудачами. К несчастью, заступники отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния. Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста и тому подобным. Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодушием и шутя предсказывали России участь Рейнской конфедерации. Словом, общество было довольно гадко...»

Образы Курагиных в «Войне и мире» ярко отражают глубоко отрицательное отношение Толстого к столичным кругам дворянства, где царствовали двоедушие и ложь, беспринципность и подлость, аморализм и растленные нравы.

Элен — светская львица; для достижения своих корыстных целей она не останавливается даже перед тем, чтобы вступить «в истинную, католическую церковь». Светское общество целиком поддерживало планы Элен выйти замуж «от живого мужа». И только одна Ахросимова со свойственной ей резкостью заявила: «Во всех так-то делают». Письмо Элен об оформлении развода привезли Пьеру, когда он находился на Бородинском поле. Таким образом, в момент, когда решались судьбы Москвы и России, светские львицы занимались устройством своих адюльтерных дел. Глубина моральной растленности Элен раскрывается ярче всего именно здесь. Глава семьи Курагиных — князь Василий, человек света, важный и чиновный, но в своем поведении он обнаруживает беспринципность и лживость, лукавство царедворца и жадность корыстолюбца. <...>

И развращенная Элен, и тупоумный Ипполит, и подлый, трусливый и не менее

развращенный Анатолий, и их отец, лстивый лицемер князь Василий, — все они являются представителями «подлой, бессердечной», как говорит Пьер, курагинской породы, носителями морального растления, свидетельствуя о нравственной и духовной деградации столичного дворянства, жизнь которого шла вне всякой связи с жизнью народа.

Петербургский салон Шерер Толстой сравнивает с прядильной мастерской, а Анну Павловну с хозяйкой этой-мастерской, искусно заводящей «равномерную, приличную разговорную машину», обличая этим автоматизм светской жизни. Князь Андрей в салоне Шерер презрительно щурится и лениво цедит сквозь зубы французские фразы, но в дружеской беседе с Пьером все это отброшено, он искренно говорит о своих надеждах, о своем будущем. Толстой, всегда отрицательно относившийся к фразерству, к «французской фразе», в одном из писем к А.А. Берс признавался: «Хотел писать тебе по-французски, милый друг Саша, но я так искренно тебя люблю, что неловко и неискренно обращаться к тебе по-французски».

Примечательно, что все лучшие герои «Войны и мира», тесно связанные с истоками русской культуры, или прибегают к французскому языку по необходимости, или совсем не пользуются им. В доме Ростовых французский язык почти не употребляется — старый граф знал его плохо, а Наташа и другие Ростовы говорили по-русски — здесь господствовала стихия русского языка и русской культуры. И несколько грубоватая, но русская по самой сущности своей натуры, прямодушная Марья Дмитриевна Ахросимова, враг всяких светских условностей и светской лжи, также не пользовалась французским языком, она «всегда говорила по-русски», — подчеркивал Толстой. Пьер после плена и общения с Каратаевым, открывшим перед ним, как ему казалось, основы народной жизни, значительно реже прибегал к французскому языку.

Французский язык служит Толстому как средство обличения кругов столичного дворянства, растерявших свой национальный облик и раболепно преклонявшихся перед иностранщиной.

Но и московское дворянство не отличалось особым патриотизмом. Писатель набрасывает яркую картину совещания дворян в Слободском дворце. Это было какое-то фантастическое зрелище: мундиры разных эпох и царствований: екатерининские, павловские, александровские. «Подслеповатые, беззубые, плешивые» старики, далекие от политической жизни, по-настоящему не были осведомлены о состоянии дел. Ораторы же из молодых дворян больше тешились собственным красноречием. Им не удалось расшевелить «седых, плешивых» стариков-вельмож. После всех речей началось совещание, оно прошло тихо: решался вопрос об участии в организации ополчения. На другой день, когда уехал царь и дворяне вернулись к своей привычной жизни, они, «покряхтывая, отдавали приказания управляющим об ополчении и удивлялись тому, что они сделали». Все это было очень далеко от подлинного патриотического порыва.